

Мафия изнутри. Исповедь мафиозо

В середине 1988 года в Италии вышла книга, наделавшая много шума: анонимный автор предложил читателям выполненную им литературную запись воспоминаний неизвестного мафиозо по имени Джованни. Поисками автора книги и ее героя занялась полиция. Эффект был неожиданным: автором оказался известный писатель, мастер детективного жанра Энцо Руссо, герой книги — вымышленным персонажем, плодом писательской фантазии.

Перед нами детективный роман, но вместе с тем и плод тщательного многолетнего изучения писателем документов о мафии. Это подлинно художественное произведение, биографический роман, в котором раскрывается личность, характер мафиозо Джованни, его психология.

Энцо РУССО

М А Ф И Я
ИЗНУТРИ
ИСПОВЕДЬ МАФИОЗО

Перевод с итальянского

И. И. Зайцевой

Издательство

«КНТ»

Киев – 2021

УДК 342.56.2(450)
Э 68

Перевод с итальянского
И. И. Зайцевой

Руссо Энцо

Э 68 Мафия изнутри. Исповедь мафиозо. / Энцо Руссо. — Киев: Изд. «КНТ», 2021. — 240 с.

ISBN 978-611-01-2391-4

В середине 1988 года в Италии вышла книга, наделавшая много шума: анонимный автор предложил читателям выполненную им литературную запись воспоминаний неизвестного мафиозо по имени Джованни. Поисками автора книги и ее героя занялась полиция. Эффект был неожиданным: автором оказался известный писатель, мастер детективного жанра Энцо Руссо, герой книги — вымышленным персонажем, плодом писательской фантазии. Перед нами детективный роман, но вместе с тем и плод тщательного многолетнего изучения писателем документов о мафии. Это подлинно художественное произведение, биографический роман, в котором раскрывается личность, характер мафиозо Джованни, его психология.

УДК 342.56.2(450)

ISBN 978-611-01-2391-4

© Энцо Руссо, 1991.
© Издательство «КНТ», 2021.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я полагал, что о мафии знаю все, как считает всякий более или менее культурный и внимательно читающий газеты сицилиец. Следил я за тем, что поведал Томмазо Бушетта,[1] в результате многословного покаяния которого его бывшие друзья и единоверцы заработали 2665 лет тюремного заключения.

Но та мафия, о которой рассказывал Бушетта, это мафия высокопоставленная, она далека от нас, и черты ее расплывчаты. О другой же, с которой мы имеем дело каждый день, но которой не знаем, мне рассказал в течение целого ряда встреч, по-театральному таинственных и в то же время драматических, один человек, «Семья» которого была полностью истреблена Корлеонцами и их союзниками, сумевшими всего за несколько лет установить на острове своего рода «пакс романа», [2] чего прежде никто даже и не пытался достигнуть. С тех пор оружие в Палермо «говорит», адресуясь лишь к верным слугам Государства и агентам, засланным в ряды мафии, осведомителям или бывшим, уже ненужным более союзникам.

Из этого рассказа (причем сам рассказчик не сознает его исторической ценности) постепенно встает перед глазами картина эволюции «спрута» — от старой, привычной мафии, орудовавшей в сельской местности, на латифундиях со времен, последовавших за изгнанием Бурбонов,[3] к уже почти урбанизированной «садовой» [4] мафии, к невероятно жестокой мафии незаконного строительства, до, быть может, окончательной ее формы — мафии, связанной с политикой и опьяненной миллиардами, нажитыми на торговле наркотиками.

На протяжении всего повествования слово принадлежит одному лицу — самому рассказчику. Сперва совсем юному, который еще не в состоянии понять, что происходит вокруг него и с ним самим, и наивно восторгается идеологией, ос-

нованной в большей степени на уважении к личности, чем на уважении к деньгам, капиталу, на главенстве личного престижа, а не обреза, — и все это неизменно в рамках «правил», нигде не записанных, но абсолютных, безоговорочных, как евангельские заповеди. Потом — постепенно взрослеющему, более зрелому, теряющему иллюзии, но также и более опытному, осмотрительному. Мир, в который он верил, изменился, оставив его в рубцах и шрамах. И совсем одного.

Вот содержание этой книги: история, увиденная снизу, путь, пройденный в первом лице от латифундии до героина, исповедь без покаяния. Я записал и обработал этот рассказ, ни на шаг не отходя от фактов и стремясь как можно ближе «передать» язык рассказчика.[5] Быть может, больше, чем хотелось моему собеседнику, я старался уделить внимание начальным этапам его жизни, тому «отпечатку», который наложила мафия на формирование его личности и поведение.

В конце концов между рассказчиком и мною — тем, кто записывал его рассказ, возникла некая странная внутренняя связь, если не общность чувств. Сперва я пытался ее замаскировать, поскольку она меня тяготила, мешала работать, а также из опасения, что мою готовность, более того, страстное желание понять этого человека могут принять за «соучастие», за идейную с ним близость.

А потом я отбросил эти опасения. И если вместо обычных рецензий книга вызовет морализаторскую полемику, что же, терпение! По крайней мере, не будет скрыто то, чему жизнь учит всех, кто не глух и не слеп к ее урокам: истину можно найти и в аду, а ложь — в раю.

Автор

I

Из моего селения моря не видать. Его построили на горе, как обычно делали в древности, и вокруг — другие горы. Летом тут слишком жарко, а зимой слишком холодно. Нынче, при теперешних дорогах, до ближайшего приморского города можно домчаться на машине за каких-нибудь полчаса, а во времена моего детства до моря было не добраться и за шесть часов на бричке или за два на автобусе, который развозил почту. Я впервые увидел море, когда мне было уже лет пятнадцать.

Мой дядюшка Бартоло был бродячий торговец и знал все селения нашей провинции как свои пять пальцев. Это был своеобразный человек, всем-то он всегда был доволен. Он любил рассказывать о том, что ему довелось повидать в его странствиях. И рассказывал он так гладко, ну прямо тебе народный сказитель, причем умел с ходу придумать что-нибудь этакое, чего ему не хватало для байки. Мой отец считал его легкомысленным и называл «попрыгунчиком» — у него не было ни кола ни двора, он не завел семьи и избегал в жизни всякой ответственности. А мать — его сестра — говорила, что он «с приветом» с самого детства. Но тем не менее, когда он заходил нас провести и начинал свои рассказы, оба они — и мать, и отец — слушали его, раскрыв рот. И всякий раз, когда он заканчивал очередную историю, тоже, как и мы, ребяташки, покатывались со смеху.

Дядюшка Бартоло — на нашем диалекте произносят «дзу Вартулу» — частенько рассказывал мне о море, и я понял, что оно, должно быть, и в самом деле большое. Но я хорошо знал, что дядюшке ничего не стоит присочинить, и поэтому все же не очень-то ему верил. А потом, после того как мы целое утро тряслись под жарким солнцем в повозке, я так устал, что уснул. И вдруг, когда дорога пере-

стала круто лезть вверх, дзу Вартулу разбудил меня, стукнув по лбу кнутовищем, и сказал:

— Ну-ка, погляди туда!

До самого берега я не произнес ни слова, так был растерян. Он шутил и смеялся, а я как язык проглотил. Потом он велел мне никуда не отлучаться и даже не думать купаться. Я должен был сидеть там, где он меня оставил, и ждать, пока он управится с какими-то своими делами. Стояла жара — был конец мая, подошло уже время обеда, вокруг почти никого не было видно. Я опустил на песок, но сразу же вскочил, так как волна подкатила к самым моим ногам. Потом понял, что это не опасно: она тут же откатилась назад. Но я никак не мог прийти в себя, голова у меня шла кругом.

Вскоре мимо прошли двое парней чуть постарше меня, в трусах, с загорелыми дочерна ногами. Я взглянул на них, чтоб узнать, смотрят ли они на меня. Мне хотелось задать им уйму вопросов — уж они-то, наверно, знали все насчет моря. Но я боялся показаться дураком. Отец всегда говорил, что самое лучшее слово — это то, которое ты не произнес. И этого я никогда не забывал.

Когда дядюшка вернулся, я бросился бегом ему навстречу и широко, как Иисус Христос, развел руками, желая сказать: с ума сойти! А он радовался и смеялся с таким довольным видом, словно море он изготовил собственными руками, и все спрашивал, что я «обо всем этом» думаю. Самым странным мне казалось, что вода, вместо того чтобы бежать вдоль берега, как я до того всегда видел, бежит навстречу берегу, прямо на пляж, все поднимается, поднимается, но так на него и не выплескивается. Когда я это сказал, дядюшка стал хохотать еще пуще.

— Ох, пустая твоя башка!

На обратном пути дорога почти все время шла вверх. Так как уже смеркалось и я до смерти устал, дзу Вартулу думал, что я сразу же усну. А я все никак не мог успоко-

иться и продолжал свои расспросы о море, о рыбах, о бурях. И поскольку даже и сам он знал далеко не все, дя-
дюшка вдруг рассердился и снова стукнул меня кнутови-
щем:

— Да спи же ты!

Из пятерых детей я был самым младшим. Отец батра-
чил, нанимаясь понедельно, но у нас было два тумоло[6]
своей пахотной земли. Тогда все участки были одинаковы:
пшеница да миндальные деревья. И там, где господь бог
послал хоть немножко воды, — маленький огородик. В по-
ле дома у нас не было — лишь шалаш из тростника, и, ко-
гда приходило время пахать, сеять и жать, я, отец и двое
братьев спали в этой хижине. Жили по-мужски, без жен-
щин, которые бы нам стирали и готовили обед. В полдень
и вечером — хлеб с оливками и луком, а после трапезы —
глоток вина, также и для меня.

Отец тут казался другим человеком. Дома он почти ни-
когда с нами не разговаривал: всегда такой серьезный, он
не желал слышать болтовни. Есть у нас было принято из
одной большой миски, стоявшей посреди стола, жестяной
ложкой, потому что готовили всегда короткую лапшу или
вермишель — с томатным соусом, зеленым горошком, бо-
бами, смотря какое было время года. В поле же по вечерам
мы разжигали костер и садились вокруг поджаривать чер-
ные маслины. И тогда отец принимался рассказывать нам
про прежние времена, про свое детство, про своего отца и
деда, который видел вблизи дона Пеппино[7] Гарибальди.
И он всегда был весел, болтал и шутил со всеми нами тре-
мя, даже со мной, который был младше всех.

Потом семья распалась, словно ее развеял ветер. В один
прекрасный день Борино, старший брат, объявил, что со-
бирается уехать в Аргентину. То было время отъездов: ис-
чезали целыми семьями. В Аргентине, говорили, найдется
работа и земля для всех, кому надо. Отец предупредил Бо-
рино: кто выйдет через эту дверь, пусть и не думает потом

возвращаться. Мать тайком вытирала слезы и молчала. Как-то в воскресенье в дверь постучал вербовщик, и Борино ушел. Поскольку писать он не умел, он никогда нам не слал писем и мы о нем больше ничего не слыхали.

Сестренка Ассунтина умерла совсем маленькой от менингита, и я ее уже не помню. Другая сестра — Джина — вышла замуж за одного из наших односельчан, который поступил работать на завод в Грульяско, возле Турина. Поскольку когда она уехала, ей было шестнадцать, а мне семь, а потом десять лет мы не виделись, особой близости между нами не было. Как-то я ее навестил, но ее муженек, мой зять, — темный, неотесанный мужик, вообразивший о себе неизвестно что, — один из тех, которые думают, что стали настоящими «кукурузниками»[8] только потому, что живут на Севере. Поэтому, чтобы не нарушать мира в ее семье, к сестре я больше не ездил, но время от времени посылаю какой-нибудь подарочек для нее и ее дочек, хотя ни одной из них она не дала имени нашей матери.

Другой мой брат был замечательным парнем. Его звали Тото. Он тоже далеко уехал — в Бельгию. Он был шахтером, работа тяжелая, но платили очень хорошо. Тото когда писал сам, когда просил написать письмо кого-нибудь из надежных друзей. Он присылал немножко денег и каждое лето обязательно проводил дома, в родном селении, две недели и привозил всем подарки, которые мать хранила в бельевом сундуке у себя под кроватью. Когда Тото погиб на шахте, я, по счастью, начал зарабатывать и мог помогать родителям, потому что отец из-за болезни и возраста уже не в силах был работать поденщиком, а на урожай с каких-то двух тумоло не прокормишься.

На поденщину отцу пришлось пойти после того, как Кавалер,[9] который тридцать лет давал ему работу, неожиданно продал свои земли. Я начал после школы ходить батрачить вместе с отцом. До третьего класса начальной школы я учился у одной и той же учительницы, которая

проводила уроки у себя дома — в узкой и длинной комнате над кухней. Около полудня являлся ее отец — худой-худой старичок с белыми усами. Учительница давала нам какое-нибудь задание и спускалась вниз жарить котлеты. Но, вдыхая этот райский аромат, разве могли мы погрузиться в наши тетрадки?

И поэтому, возвратись, учительница била нас по рукам указкой, а ее отец смеялся и кашлял.

Когда я заканчивал третий класс, как-то вечером ей навстречу попался мой отец и она сказала ему, что никак не сможет перевести меня в следующий класс, так как я мальчик хоть и смысленный, но к учению не способен. Все вокруг знали, что за ягненочка на Пасху или подносимый время от времени кус домашней коврижки учительница смотрела на плохие отметки сквозь пальцы и даже, может, иногда давала дополнительные уроки. Но у меня дома считалось роскошью уже одно то, что я, вместо того чтобы работать, хожу в школу, а ягненка на Пасху у нас не было и для себя.

— Завтра подъем в четыре утра. Поедешь со мной в поле, — сказал отец, как только я вернулся домой. Мать промолчала, а я был рад с ним поехать. Я был еще слишком мал, чтобы разбираться в жизни, но уже хорошо понимал, что школа не для таких, как мы.

Я никогда не бывал в Пьяно ди Маджо,[10] но отец столько лет рассказывал нам об этом месте, что мне казалось, я там родился. Это была огромная усадьба, со множеством строений, все почти без окон, как когда-то строили. Чтобы добраться туда из нашего селения, надо было трястись два часа на муле, дорога была пустынная, крестьянских домов не видать, потому как земли там плохие, желтозем, почти сплошь государственная собственность.

Пьяно ди Маджо принадлежало Кавалеру — высокому, красивому мужчине с военной выправкой. У него был автомобиль марки «Фиат». Когда он впервые меня увидел,

он спросил отца, как меня зовут, и дал мне десять лир. Я и сейчас, больше, чем через сорок лет, помню, как зажал в кулаке ту бумажку.

Через две-три недели надсмотрщик заметил, что я неплохо справляюсь и что, когда надо принести людям попить, бегу за водой, не дожидаясь, пока меня пошлют. И вот каждую субботу при расчете он стал подбрасывать кое-что и мне. Уж не знаю сколько, но помню, как отец говорил матери: «А наш-то Джованнинио начинает зарабатывать себе на хлеб!»

Ночевали мы в каком-то строении вроде склада — длинном, с высоким потолком и решетками на окнах. Двадцать — тридцать человек, спали мы на набитых соломой мешках прямо на земляном полу. А в пору молотбы и сбора миндаля нас набивалось туда до полусотни. Зимой было хорошо, но летом можно было задохнуться от жары. Поэтому я незаметно выскальзывал во двор и укладывался спать под фиговым деревом возле летнего дома Кавалера.

Дома же, у меня в селении, от духоты не было спасения. Когда становилось уж совсем немоготу, отец наполовину приоткрывал дверь, потому как окон не было и дышать было нечем. Мать возражала, потому что жили мы на первом этаже и то и дело забегали голодные собаки или большие крысы. А зимой, когда мои родители, братья и сестры ложились спать по двое, тесно прижавшись друг к другу, я, поскольку был без пары и самый младший, шел спать в хлев и согревался возле мула. Иногда он меня кусал, но без злости, наверно, не нарочно: может, тянулся за соломой и в темноте не видел.

Кавалер был не похож на других хозяев, тех, что я знал у себя в селении. Это был городской господин, неизменно элегантный. Даже барон Валенте, которого я мог лицезреть каждое воскресенье, когда он выходил из церкви, не носил белого костюма. Кавалер никогда не заходил в хлев, а останавливался у входа. Жены его в Пьяно ди Маджо мы

не видели ни разу, но ему нечего было беспокоиться, так как по хозяйству хлопотали жена управляющего и мать одного из полевых сторожей. У него всегда было полно гостей — они дневали и ночевали, и он всю эту ораву кормил — друзей из Палермо и даже из Рима, которые, что бы ни увидели, даже курицу, всем подряд восхищались: «Ах, как красиво!», «Ах, как замечательно!» По-видимому, там, где жили они, кур не водилось.

Они пожирали курятину и жаренные на вертеле колбаски с артишоками, когда был сезон артишоков. Но кур они ели не целиком, как их сотворил господь бог, и после каждой трапезы Кавалер оставлял для надсмотрщика и моего отца тарелку, полную куриных голов, кожи и костей с оставшимся на них мясом. Я безумно любил обглаживать куриные головы.

Хотя отец и не был постоянным работником, как надсмотрщик и сторожа, Кавалер держал его все лето, а если была в том нужда, то и зимой. Могу сказать, мы ни в чем не нуждались. Со всем у нас было более или менее в порядке, кроме жилья. Несмотря на то что прошло уже столько лет, я до сих пор вспоминаю каждое 31 августа у себя в селении. В те времена ежегодно 31 августа истекал срок старой аренды жилья и начинался новый. Теперь существует запрет на повышение квартирной платы и всякие другие хитрые штуки. Тогда все было проще: кто должен был съезжать, грузил в последний вечер августа весь свой скарб на повозку, а у кого не было повозки, брал ее взаймы.

Той ночью в селении никто не спал. Те, кто приезжал до времени, должны были дожидаться, пока съедут прежние съемщики. Если же кто задерживался, то новые жильцы уже стояли у дверей наготове, с нетерпением ожидая момента, когда смогут вселиться. Случались ссоры и жестокие потасовки, на шум которых сбегались все соседи. Однако отец был человек мирный, съезжал каждый раз без

задержек и всегда был готов помочь тем, кому приходилось уступить нам место.

Брат Борино любил меня больше всех. До его отъезда в Аргентину мы иногда ходили батрачить вместе. Это случилось не очень часто, так как отец всегда старался брать меня в помощники, даже когда за рабочий день платили ему одному. Но когда это происходило, я был вне себя от радости. Борино никогда меня не бил, самое большее давал мне пинка, чтобы я живее пошевеливался. Он шутил со мной и обращался, как со сверстником. А когда свертывал сигарку с крепким табаком, иногда давал затянуться и мне.

Как-то вечером на праздник Пречистой Богородицы он повел меня к единственной в селении проститутке, которую звали Марианнина. Женщина была необъятной толщины, но очень белокожая, сильно намазанная и надушенная. Говорили, что ей за пятьдесят, но, хотя я почти совсем ее не помню, кажется, она была красивая. Посещать ее в праздник Пречистой Богородицы в нашем селении было традицией, и у ее дверей уже толпилась куча народа. От волнения я весь дрожал, но, когда наступила наша очередь, Марианнина подошла ко мне, чтобы получше разглядеть, а потом взглянула на брата.

— А сколько ему лет?

— Сколько надо, — ответил Борино, который никогда не лез за словом в карман. И погладил ее по щеке. Но ей было не до ласк! Она боялась: сержант предупредил ее со всей строгостью — чтобы никаких несовершеннолетних.

— Откуда же сержант может узнать, если ты сама ему об этом не скажешь? — сказал брат. Марианнина рассмеялась, подошла к окну и чуточку отодвинула занавеску. Перед домом на улице стояло с полтора десятка мужчин, которые, куря и болтая, дожидались своей очереди.

— Ничего не попишешь, — сказал, чтобы утешить меня, Борино, когда мы возвращались домой. — Значит, придет-

сы подождать какую-нибудь приезжую, когда будет ярмарка. Любая из них лучше Марианнины.

Но другого случая так и не представилось. Борино всю зиму не мог найти работу. Это было трудное время: даже не удавалось устроиться каменщиком или овчаром. А потом однажды ночью случилась беда с мулом, который издох, не успев даже замычать. И так как кто-то из соседей, желая нам досадить, немедля настучал, сразу же появился санитарный инспектор и сказал, что животное нельзя сдать на мясо, потому как неизвестно, отчего оно сдохло и, возможно, вообще было больное.

Вот так собралось одно к одному, и весной Борино навсегда отправился за океан. Через два года нас покинул и Тото, но настоящим старшим братом для меня был Борино, и, пока он не уехал, меня все должны были уважать. Конечно, я и сам мог за себя постоять, но парни постарше в нашем квартале, которые раньше меня не трогали, теперь, случалось, меня задевали. Я пытался давать сдачу, но обычно мне от них крепко доставалось, а потом дома я получал еще и остальное, так как мой отец был не из тех, кто, когда сын приходит домой с разбитым носом, хватается мотыгу и бежит искать отца обидчика.

Отец же, который был слишком добрым и благородным человеком и рано умер именно из-за того, что был слишком добрым и благородным, набрасывался на меня и кричал, что это я затеваю драки, так как не хочу работать, и что у меня плохой характер, что я как бешеная собака. Вот так он отдал меня в помощники к одному огороднику, но работал я не за деньги, а за торбу овощей, которую тот давал, когда ему вздумается. Вскapyвать огород мне нравилось, потому что работать было не жарко — всегда стоишь по щиколотку в воде. Однако огородник был бедняк и сам еле мог прокормиться, а за малейшую оплошность орал на меня и давал попробовать прута. А так как однажды он попытался дать мне попробовать еще кое-что, я к нему боль-

ше не пошел. И за это мне досталось от отца палкой, потому что я стыдился сказать ему истинную причину, а он считал, что я просто не желаю работать.

Не надо думать, что дзу Вартулу между тем совсем исчез и больше не показывался. Приходить-то он приходил по-прежнему, но с тех пор как уехал Борино, атмосфера у нас дома переменилась. Он теперь не засиживался: поздоровается и уйдет. И так как видел, что в доме нет ни гроша, тайком совал что-нибудь сестре. Я это знаю, так как однажды сам видел.

Мать тратила эти деньги очень хитро. Она покупала то, что дома уже было: оливковое масло, муку, фасоль. Таким образом, отец ничего не замечал и, более того, был доволен, что продуктов хватает так надолго. Иногда она покупала и какое-нибудь платице или пару американских туфель для моей сестры Джины, а на ярмарке — разные хозяйственные мелочи, которых мужчины не замечают, так как не обращают на них внимания. Однажды отец увидел, что сковородка у нас новая, но мать сказала, что выменяла ее на несколько горстей фасоли, как тогда было в ходу.

Однажды зимним вечером дзу Вартулу притащил корзину мушмулы и полголовы твердого овечьего сыра. Он всегда так делал, когда оставался у нас ужинать и ночевать, не желая быть в тягость. Раньше, до того как уехал Борино и еще была жива сестра Ассунтина, он отправлялся ночевать на постоянный двор. Но теперь у нас было достаточно места и мать радовалась, когда дядя оставался на ночь. Уже засыпая, я вдруг услышал, как он спросил моего отца:

— А Джованнино что делает?

— А что ему делать? Когда есть работа, беру его с собой. Иначе весь день будет болтаться на улице.

— Ну раз так, то денька на четыре увезу-ка его с собой я, — заявил дядюшка, заканчивая разговор. Он всегда умел добиться своего: когда ему не хотелось спорить, он

делал вид, что вообще спорить не о чем. Отец пожал плечами. Когда он выпивал стаканчик-другой вина, его вообще невозможно было рассердить.

— Ну что ж: бог вам в помощь, — сказал он. Только попросил дядюшку не слишком долго меня задерживать, потому что, как только прекратятся дожди, надо будет идти в лес запасти дров. И они отправились спать. Я же лежал с широко открытыми глазами. Никогда еще я не уезжал из дома с дядей дольше, чем на день, и сердце у меня колотилось как бешеное. В темноте, свернувшись под одеялом, я думал: «Завтра в дорогу».

Но разве мог кто себе представить, что это было начало новой жизни?

СОДЕРЖАНИЕ

| | |
|-------------------|-----|
| Предисловие | 3 |
| I | 5 |
| II | 16 |
| III | 30 |
| IV | 40 |
| V | 50 |
| VI | 60 |
| VII | 80 |
| VIII | 87 |
| IX | 100 |
| X | 110 |
| XI | 121 |
| XII | 130 |
| XIII | 142 |
| XIV | 150 |
| XV | 160 |
| XVI | 170 |
| XVII | 179 |
| XVIII | 195 |
| XIX | 204 |
| XX | 213 |
| XXI | 220 |
| Послесловие | 226 |
| Примечания | 233 |



НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ

Энцо РУССО

М А Ф И Я ИЗНУТРИ ИСПОВЕДЬ МАФИОЗО

Перевод с итальянского
И. И. Зайцевой

(Російською мовою)

Підписано до друку 29.06.2021 р. Формат 60х84 1/16.
Друк лазерний. Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman.
Ум. друк. арк. 15,0. Тираж 300 прим.

ТОВ «КНТ»

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до державного реєстру видавців, виготівників і розповсюджувачів
видавничої продукції ДК № 581 від 03.08.2001.

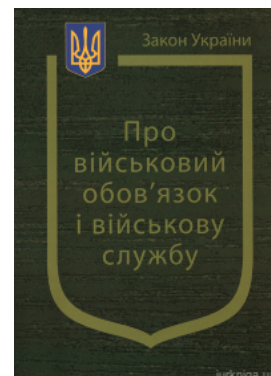
Книги, які можуть вас зацікавити



Криминальные сенсации. В двух частях



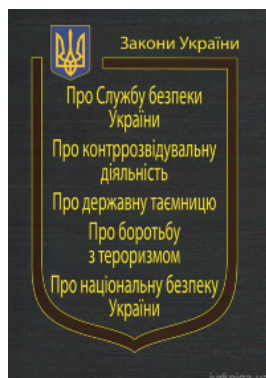
Хроники тайной войны 1968-1995. Операции спецслужб Израиля на Ближнем Востоке и в Европе



Закон України "Про військовий обов'язок і військову службу"



Ораторське мистецтво



Закони України "Про службу безпеки України", "Про контррозвідальну діяльність", "Про державну таємницю", "Про боротьбу з тероризмом",...



Доктринальні основи організації та функціонування слідчих підрозділів правоохоронних органів

Перейти до галузі права
Кримінальне право та процес



Перейти на сайт →